

There are no translations available.

Сарычева З.

мешканка м. Нікополя

**«Когда выкапывали трупы,
мама узнала Вальку по косе и сереньким трусикам»**
(по следам публикации Матвея Милявского «Их расстреляли на рассвете»)

В №№ 36, 37 «Репортера» я прочла статью [Матвея Милявского «Их расстреляли на рассвете»](#). Среди перечисленных 17 фамилий расстрелянных членов подпольной группы Анатолия Кардашова упоминаются Валентина Тесленко и Лев Ульченко. Раньше я не встречала их в списках подпольщиков, и поэтому фамилии людей, которых я хорошо знала во время оккупации, взволновали меня. Прошлая - опасная, страшная жизнь вновь нахлынула.

Мне шел тогда 15-й год. Всего я знать не могла, лишь кое о чем догадывалась. Но после войны мама дополнила своими рассказами мои впечатления и догадки.

На территории, где сейчас находится Краностроительный завод, располагался питомник с конторой, оранжереями и хоздвором. Директором этого питомника был Лев Ульченко. Там же работали моя мама - Анна Романенко, Валя Тесленко и еще несколько девочек из Новопавловки. Помню только фамилии: Галина Топчий и Доброродняя (если кто из них еще проживает в Никополе, пусть отзовутся). В Новопавловке появлялись листовки, и я уверена, что это делал кто-то из наших девочек.

Жили мы рядом с питомником в переулке Рабочем. Место глухое: было там только два дома - наш и соседский, а вокруг посадки и огороды. За огородами с одной стороны располагалась ул. Водопроводная, а с другой - ул. Вокзальная.

Лев Ульченко был богатырского телосложения, веселого нрава. Я помню, как он все время насвистывал украинскую песню «Не жури мене, моя мати...». Он был другом моих бабушки и дедушки - Матрены Демидовны и Дмитрия Кирилловича Охромий - и поэтому был вхож в наш дом. В нашем дворе было две постройки. В одной жила я с мамой, в другой - бабушка с дедушкой. Где-то с февраля-марта 1943 года Лев Иванович начал уединяться с моей мамой в доме, а меня мама заставляла забирать пятилетнюю сестру Любу и идти играть с ней во двор, и при этом всем велела говорить, что ее нет дома. Такие тайные визиты проходили раз или два раза в неделю. Первой не выдержала бабушка и высказала Ульченко, что мол, стыдно должно быть ему, старику: Нюська (так звали домашние мою маму) вам в дочери годится, и в питомнике все уже говорят об этих визитах, стыдно в глаза людям смотреть! Петька (так звали моего отца) с фронта вернется, что мы ему скажем?! А он неожиданно для бабушки обрадовался тому, что его с мамой считают любовниками и, поцеловав бабушку, сказал: «Демидовна, вот вернется Петька с войны, я сам ему все расскажу, и тогда мы поклонимся твоей дочери в ноги!».

Лев Иванович плохо слышал. Мама с ним принимала по приемнику сводки из Москвы, записывала их, а Валентина (это я уже узнала после ее смерти) перепечатывала на машинке, потом распространяли по Новопавловке и в районе железнодорожного вокзала. Пару раз Лев Иванович давал мне несколько листовок, попросив ни в коем случае не клеить их на вокзале, потому что там могут быть немцы. Я расклеивала их около железнодорожной столовой и водонапорного крана. Но потом Ульченко сказал маме, что они не имеют права рисковать мной, так как я была еще ребенком. И в дом к нам стала приходить жена советского офицера Мария Роше, которую война застала в Никополе. Она работала простой рабочей в питомнике, ее дочку звали Галочка, а проживали они по ул. Вокзальной. Мария приходила вроде бы как за молоком для ребенка, и листовки продолжали появляться.

Валя Тесленко жила в большой семье, которая проживала по ул. Водопроводной (кажется, Тесленко до сих пор там проживают). Я знала после войны ее сестру и племянников. Лев Иванович был связан с партизанами из Покровских плавен. Время от времени снаряжал туда подводу с продуктами, мешки с пшеном, крупой, мукой. Два извозчика - рабочие Иван Калиберда, житель ул. Вокзальной, и Василь (фамилию не знаю) из поселка Кагановича (позже Чкаловский), брали с собой пилу и ехали в плавни

якобы пилить дрова для отопления оранжерей и там оставляли продукты в условленном месте. А сами пилили дрова и возвращались домой. Мама работала кладовщиком, и чтобы на нее не падало подозрение, Лев Иванович несколько раз имитировал кражу продуктов.

И вот последний раз рабочие вернулись домой без продуктов, со сломанной пилой и без дров. Лев Иванович пришел к нам очень обеспокоенный. Говорит: «Не нравится мне это. Чувствую, неспроста». Принес тетрадь стихов, которые сам сочинял (там были и стихи о войне) и попросил маму, в случае чего, эту тетрадь сохранить. К сожалению, она не сохранилась, так как мама после ареста Ульченко приемник и тетрадь где-то зарыла и выкапывать почему-то не стала.

Лев Иванович тогда сказал ей: «О тебе не знает никто, кроме меня, но я вас не выдам. И все же будь осторожна». Потом выяснилось, что рабочие Иван и Василь, которые ездили в плавни, предали их. Направили полицаев туда, где партизаны забирали продукты, и когда партизаны пришли, немцы их схватили.

Предали они и Льва Ульченко. А вот кто предал Валю, не знаю. У нее дома нашли печатную машинку. Арестовали их на глазах рабочих ноябрьским днем 1943 года. (Милявский писал, что немцы расстреляли подпольщиков в декабре 1944 года. Он ошибся. Это было в 1943 году.)

А было это так. Во дворе питомника сидели девочки-работницы и чистили кукурузные початки. И нас было шесть человек детворы. Подъехала тачанка с немцами и полицаями, а среди них сидел со связанными руками Лев Иванович. Один из немцев подошел к нам и спросил: «Где Тесленко Валя?». Она поднялась. Была она худенькая, высокая, беленькая с длинной белой косой поверх фуфайки. Немец схватил ее за косу, намотал на руку и толкнул вперед. Она молча пошла к тачанке, по дороге обернулась и посмотрела на нас. В ее глазах была обреченность. Лев Иванович крикнул нам: «Прощайте, гадам скоро конец!». Его ударили кулаком в лицо. Он запел песню «Ще не вмерла Україна».

Расстреляли их почти перед приходом нашей армии. За переездом на выезде в Днепропетровск был вырыт глубокий ров, куда сбрасывали расстрелянных, также привозили туда погибших из других частей города.

Окончилась война. В июне приехал с фронта дядя Валентины - Иван Тесленко, фронтовик, офицер и поставил вопрос о перезахоронении. Помню, мы с подругой Тamarой Свиначенко тихонько от родителей пошли туда. Уже извлекали трупы с помощью лебедки. Грелся большой чан с водой. Тела расстрелянных обмывали, одевали. На телеге стояло два гроба - для Вали и Льва Ивановича. Траурная процессия сопровождала гробы до самого кладбища, которое находилось по ул. К. Маркса (в настоящее время его уже нет).

Тела других расстрелянных партизан родственники отвезли в село Покровское.

Когда выкапывали трупы, мама узнала Вальку по косе и сереньким трусикам. Лев Иванович один был со свернутыми назад связанными руками, узнали его по усам и богатырскому росту. Все тела были изуродованы пытками.

В 1946 году отец забрал нас с мамой в Германию, где некоторое время еще служил. «Репортер» писал о том, что мой папа Петр Романенко до войны руководил драматическим кружком сельхозтехникума, мама играла в пьесах украинских авторов. Это был знаменитый на всю Никопольщину самодеятельный театр. Два года мы прожили в Германии, и мама там тоже участвовала в концертных бригадах. Потом мы вернулись в Никополь, и я 20 лет проработала на молокозаводе учетчиком, а мой муж, Василий Сарычев, 57 лет проработал машинистом тепловоза. У нас сын и две дочери, а также трое внуков, правнук и правнучка.

Джерело: Сарычева З. «Когда выкапывали трупы, мама узнала Вальку по косе и

сереньким трусикам» // Репортер. - 2003.

Переведення в електронний вигляд: Бутенко О.П.

На нашому сайті Ви можете дізнатися більше про історію Нікопольщини:

- [Історія Нікопольщини](#)

[У разі використання матеріалів цього сайту активне посилання на сайт обов'язкове](#)